

АТАРАКСИЯ В ПИРРОНИЗМЕ

Д. К. МАСЛОВ

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
denn.maslov@gmail.com

DENIS MASLOV

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk), Russia
ATARAXIA IN PYRRHONISM

ABSTRACT. The paper aims to explicate the notion “ataraxia” in light of its untenable, as I argue, interpretation by M. Gabriel. This philosopher presupposes ataraxia as a total quietism and draws a conclusion, undesirable for Sextus, that the skeptical program of attaining the happiness, which is defined by Sextus as soul tranquility, is inconsistent since the sceptic can never be happy in virtue of incompatibility of inactivity with the skeptical investigation. The first part of the paper conveys the role of *ataraxia* in Sextus’ Pyrrhonism as it is interpreted by Gabriel. In the second part, we come to define ataraxia not as a total quietism (as in Gabriel), but as a suspension of all judgments and a freedom of all distress.

KEYWORDS: ataraxia, Pyrrhonism, Sextus Empiricus, quietism, apraxia argument.

I

Атараксия (ἀταραξία), или состояние спокойствия, невозмутимости в учении античного пирронизма в том варианте, как его разрабатывал Секст Эмпирик, заявляется в качестве цели скептической деятельности (PH I 12, 25, 30). Секст излагает историю становления скептика следующим образом. Талантливые от природы люди сталкиваются с разногласием, неравенством (ἀνωμαλία) среди вещей и приходят в затруднение относительно того, каким из этих вещей отдать предпочтение, иными словами, что является истинным и что ложным. Это обстоятельство порождает беспокойство (ταραχή) и для разрешения беспокойства одаренные люди начинают исследование с целью разыскания истины и тем самым устранения беспокойства, вызванного противоречием среди вещей. В ходе данного поиска выясняется, что всякому положению возможно противопоставить равное ему по убедительности (состояние ἰσοσθένεια), что приводит к невозможности рационального разрешения разногласия среди таких положений и приводит к воздержанию.

нию от суждения (ἐποχή) (РН I 8, 10). За воздержанием от суждения неожиданно для исследующего следует невозмутимость (РН I 26–27).

Указанная история не является исчерпывающей и допускает различные интерпретации того, чем же именно является *атараксия*.¹ В своем исследовании, посвященном античному скептицизму и его влиянию на античный идеализм, немецкий философ Маркус Габриэль приходит к неутешительному выводу о противоречивости философии Секста Эмпирика, поскольку предлагает трактовку *атараксии* как тотального спокойствия, то есть *квиетизма*. Такое понимание *атараксии* входит в противоречие с другим ключевым аспектом пирронизма Секста – поиском истины (РН I 1–3,7), и в целом *атараксия* предстает в работе исследователя как недостижимое состояние. Тем самым, немецкий исследователь уравнивает *атараксию* с состоянием полной бездеятельности и определенным образом формулирует разновидность аргумента, близкую аргументу *апраксии* (бездеятельности). Согласно аргументу *апраксии* скептик не может жить в соответствии со своим учением, поскольку скепсис предполагает воздержание от суждения, тогда как всякое действие подразумевает принятие некоторого положения в качестве истинного, то есть мнения (Vogt 2010). В результате такого рассуждения последовательный скептик необходимо лишится жизни из-за своего учения, поскольку без мнений не сможет действовать. Однако, в нашем случае немецкий исследователь склоняется к положению, что *атараксия* недостижима постольку, поскольку не может быть согласованной с исследовательской *деятельностью* скептика; иными словами, *атараксия*, понимаемая как бездеятельность, недостижима на основании другой ключевой скептической *деятельности* – поиска истины. В частности, Габриэль заявляет: «вопрос о последовательности [скепсиса] заключается в том, удастся ли скептику жить в согласии со скептической *атараксией*» (Gabriel 2009, 169). Трудность, по мысли Габриэля, лежащая в основе скептического проекта состоит не в проблеме *апраксии*, но скорее в том, «что скептик не находит душевного спокойствия, поскольку он непрерывно исполняет роль консервативного критика культуры, то есть пропагандирует очистительную программу реформ, которая должна освободить его сообщество от догматических тенденций. Поэтому он *никогда не прекращает поиск истины*, в чем видит свое отличие от академического скептика. Но это означает, что он никогда не сможет устранить исток беспокойства, от которого он обещает исцелить, но постоянно заново привносит его в жизнь. Поэтому

¹ См. Striker 1990, McPherran 1989, Machuca 2006, Svavarsson 2011.

скептический образ жизни непрочен, так как ему не удастся развить последовательный квиетизм» (Gabriel 2009, 169–170).

Итак, М. Габриэль представляет атараксию как недостижимую цель скептика, поскольку она несовместима с поиском истины как *деятельностью*, и на этом основании он делает вывод о непоследовательности программы пирронизма. Основанием для утверждения о невозможности достижения атараксии оказывается согласно Габриэлю то, что скептик «никогда не прекращает поиск истины», вследствие чего он «никогда не сможет устранить исток беспокойства, от которого он обещает исцелить» (Gabriel 2009, 169–170). Прояснению позиции Габриэля помогут следующие замечания. Во-первых, Габриэль понимает поиск (а также роль «консервативного критика культуры», который «пропагандирует программу очистительных реформ») как такую деятельность, которая вносит элемент беспокойства в жизнь скептика и тем самым делает достижение *атараксии* невозможным. Исходя из этого, можно предположить, что он считает сам поиск такой деятельностью, которая вносит беспокойство, то есть – *источником беспокойства*, на основании чего и делает свой вывод. Во-вторых, поскольку автор особо не оговаривает отличия указанных видов деятельности от иных, считая их порождающими беспокойство и нарушающими *атараксию*, можно предположить, что он понимает *атараксию* как тотальный и последовательный *квиетизм*, не допускающий никакой деятельности вообще. В таком случае *всякая* деятельность (в т. ч. поиск) будет порождать беспокойство и не позволять скептику обрести спокойствие души. Сам Габриэль по всей видимости принимает аргументы Секста против возражения *апраксии*. Тем не менее, Габриэль не проводит четкого отличия между поиском и прочей деятельностью. Поэтому, судя по словам Габриэля, в разряд допустимой для скептиков деятельности не может включаться только поиск, поскольку он порождает беспокойство. Тем самым, Габриэль выдвигает вариацию аргумента *апраксии*, который гласит, что скептик, будучи исследователем, не может достичь *атараксии*. В результате мы видим, что скептический проект признается непоследовательным, поскольку *атараксия* понимается как тотальный квиетизм.

Однако, мы полагаем, что интерпретация Габриэля не может быть принята, поскольку представление об *атараксии* как о состоянии тотального квиетизма неверно, и *атараксия* не предполагает бездействия, но является состоянием спокойствия, вызванного отсутствием мнений о благе и зле.²

² Данное исследование проводится в русле «проблемного подхода» (Вольф, Берстов 2007) в том отношении, что стремится к уточнению концепции «атарак-

II

По верному замечанию Ф. Гргича, Секст весьма скупо описывал атараксию, что не позволяет нам с полной ясностью говорить о ней (Grgic 2006, 142; 2012, 664). Секст характеризует ее лишь однажды, при этом используя для иллюстрации стихи Тимона, ученика Пиррона. Говорится, что достигший атараксии будет жить «ровно, спокойно, блаженно, тихо, легко, беззаботно, мудрости сладкой слух не вверяя речам» (M XI 1).³ Кроме того, Секст говорит об атараксии как о «безмятежности» (ἀσχησισία) и «спокойствии души» (γαληνότης) (PH I 10).

Попробуем определить атараксию точнее с помощью обращения к словарным определениям. Греческое существительное ἀταραξία построено путем добавления *alpha privativum* к слову ταραχή, которое в свою очередь происходит от глагола ταρασσω. Согласно словарю LSJ (Liddel, Scott 1940) глагол ταρασσω имеет следующие значения (мы опустили некоторые из них, которые несут сугубо специальный смысл): I. Волновать (stir), беспокоить (trouble) (в физическом смысле); беспокоить ум (trouble the mind), возбуждать (agitate), волновать, тревожить (disturb) (особенно о чувстве страха); 2. Вызывать замешательство (cause confusion); 3. (о войске) а. создавать беспорядок (throw into disorder); б. расстраивать или опрокидывать (rout or upset). 4. (о политике) волновать; пребывать в состоянии беспорядка (in a state of disorder); II. (метафорич.) возбуждать (stir up). Словарь Вейсмана определяет этот глагол так: «потрясать, мутить, волновать, смущать, приводить в замешательство, пугать, устрашать, тревожить» (Вейсман 1991, 1227). От данного глагола происходит существительное ταραχή, которое в LSJ определяют так: 1. Беспорядок, физиологическое беспокойство или эмоциональный подъем (physiological disturbance or upheaval); 2. Беспокойство как состояние ума; 3. Беспорядок в армии или флоте; 4. политический беспорядок, смута». А Вейсман передает его как «смущение, замешательство, беспорядок, волнение, тревога, страх; волнение (политическое), раздор, распря, возмущение (Вейсман 1991, 1227).

Итак, мы видим родственные значения термина, которые указывают на смущение, беспорядок, беспокойство, как физического, так и душевного толка у конкретного индивида, а побочная (в нашем случае) линия указыва-

сии» применительно к учению Секста Эмпирика исходя из проблемы в современном изучении пирронизма, то есть ошибочной интерпретации этой концепции М. Габриэлем.

³ «ῥῆστα μεθ' ἡσυχίης / αἰεὶ ἀφροντίστως καὶ ἀκινήτως κατὰ ταῦτά, / μὴ προσέχων δίνους ἡδυλόγου σοφίης». Кроме того, интересным является вопрос о преемственности понимания атараксии в пирронической традиции (см. Burnyeat 1980, Striker 1990).

ет на социально-политические феномены, такие как беспорядок и смута в государстве или в армии. В контексте настоящего исследования имеет значение, что данное слово среди прочего часто обозначает состояние страха и душевного смятения, беспокойства, взбудораженности, а также и телесных волнений, потрясений. Очевидно, что такие состояния имеют негативные коннотации, что предполагает наличие у страдающего от таких состояний желание избавления и обретение спокойствия. Соответственно, обратное всему этому состояние души (и тела) обозначается как *ἀταραξία*, то есть дословно: не-обеспокоенность, не-волнение, отсутствие смятения, невозмутимость. Вейсман дает поэтому такие значения как «невозмутимость», «спокойствие» (души), «бесстрашие» (Вейсман 1991, 214), а в LSJ говорится о «бесстрастности» (*impassiveness*) и «спокойствии» (*calmness*). Эта справочная информация предоставляет нам некоторое предварительное понимание того, что обычно лексически понималось под *атараксией* в греческом языке, однако этого недостаточно, когда речь заходит о состоянии *атараксии* как цели скептической жизни, то есть о ее специфическом философском и скептическом употреблении.

В раннем пирронизме под атараксией понималась душевная невозмутимость и спокойствие, проистекающие из воздержания от суждения (например, у Тимона), тогда как Энесидем приравнивал такое состояние к счастью (LS 1F = Eusebius 14.18.3–5). В свою очередь, Эпикур понимал под *атараксией* (в отношении к уму, душе) нечто вполне определенное – а именно, *отсутствие страха*, волнения и терзающих душу переживаний. Источником *ταραχή* он считает определенного рода ложные или пустые мнения, которые порождают огромный страх в душах людей. К таковым он причисляет страх перед гневом богов или страх смерти. Эпикур предлагает излечиться от этого страха посредством аргумента, иными словами он использует философские и научные аргументы с просветительской и терапевтической функцией для избавления людей от наиболее терзающих их страхов (DL X 81, 82). Такого рода терапия хорошо иллюстрируется примером из греческой истории: известен случай, когда Перикл успокоил своих сограждан, обуйных суеверным страхом, объяснив им природу солнечного затмения с помощью сведений, полученных им от Анаксагора.

Однако, встает вопрос о том, чем обосновано утверждение о связи эпикурейского понимания атараксии со скептическим? Мы полагаем, что связь и даже заимствование имели место. В общем и целом понятие *атараксии* было сходным у основных эллинистических школ, что позволяет предполагать о сходности их цели, находящейся в области этики: показать путь к счастливой,

а значит и безмятежной жизни.⁴ Существенное отличие пирронизма от учения Эпикура состояло в указании причин *ταραχή* и, соответственно, способов достижения атараксии. Кроме того, имеются свидетельства о том, что стоики полагали атараксию высшим благом, которое состоит в том, чтобы «ничего не бояться и ничего не желать» (ФРС III 449). Тем самым ясно, Секст, находясь в пирронической традиции, определял свое понимание *атараксии* с помощью философского словаря своих предшественников, а также философско-соперников. Это обстоятельство рефлектирует скептическую диалектическую стратегию, согласно которой Секст выстраивает свое учение с помощью понятий догматиков и в оппозиции к их теориям.

Душевное спокойствие можно определять также обратным способом, рассмотрев источники беспокойства. Секст упоминает два источника беспокойства – разногласие в вещах и ценностные мнения, соответственно которым исследователи выделяют два вида *атараксии* (PH I 12, 26–27, см. Svavarsson 2011). Беспокойство относительно разногласия в вещах является, в сущности, беспокойством относительно неведения истины и лжи, при котором любое положение непрочно и может оказаться как истинным, так и ложным. Именно с целью устранения такого беспокойства скептики начали исследование. С другой стороны, беспокойство относительно ценностей является, иными словами, беспокойством, порождаемым положением чего-либо как блага или как зла (см. также M XI 118–119, 140). Такое беспокойство происходит из напряженного стремления к тому, что считается благом, и избегания того, что считается злом. Секст с помощью истории про художника Апеллеса повествует о том, что воздержание от суждения было достигнуто случайно, когда всякая надежда на открытие истины и достижение *атараксии* пропала. Неожиданным следствием поиска истины оказалось воздержание от суждения, за которым не менее неожиданно последовала *атараксия*. В результате, Секст говорит об *атараксии* относительно мнения и умеренности относительно того, что скептики вынужденно претерпевают (*ἐν τοῖς κατὰ δόξαν ἀταραξίαν καὶ ἐν τοῖς κατηγορηστέοις μετριοπάθειαν*, PH I 25, 30), поскольку он прекрасно понимает, что людям нельзя избежать всех страданий и телесных побуждений, например, боли при болезни, или мук голода (M XI 152–155). Вынужденные состояния (*πάθος*) могут быть обузданы только умеренностью. Таким образом, *атараксия* по вопросам мнения сходна с тем, что говорил Эпикур: обладая мнениями, люди подвергают себя беспокойству. Секст же идет далее, и считает источником беспокойства *мнения о благе и зле*, а также *аномалию* среди вещей; поэтому отсутствие

⁴ Ср. рассуждение Кати Фогт о свойственном грекам стремлении к счастью, *эвдемонии*, их озабоченности по поводу правил для счастливой жизни (Vogt 2012, 125).

мнений обеспечивает *атараксию* в вопросах о том, что подлежит мнению (РН I 12, 26–27). Из сказанного об *атараксии* ясно, что поиск истины не понимался Секстом как источник беспокойства, и, следовательно, не может помешать достижению скептической цели. По меньшей мере, для приравнивания поиска источнику беспокойства требуется специальный аргумент, который Габриэль не предоставил, ограничившись простой констатацией. Более того, следуя Сексту нужно заключить, что поиск являлся условием, средством достижения *атараксии* – поскольку воздержание от суждения, приведшее к *атараксии*, было результатом поиска.

Итак, из приведенных рассуждений можно сделать следующий вывод: *ταραχή* определялось как некоторое беспокойство, тревога и волнение души, прежде всего вызванное страхом или боязнью, а также как телесное беспокойство. Соответственно, *ἀταραξία* как обратное указанным состояние подразумевает свободу от волнений, страхов и терзающих душу переживаний, и тем самым спокойствие и безмятежность. Учитывая философский контекст употребления термина *атараксия*, мы видим, что в пирронизме он относился в первую очередь к душевной сфере, и подразумевал отсутствие мнений о благе и зле. Мнения вызывали волнение, тревогу и страх, которые терзали и мучили душу, порождая напряженное стремление или уклонение от вещей, которые считали благом или злом. Скептики также в отношении *атараксии* говорили еще и об умеренности в том, что скептики вынужденно испытывают (РН I 29–30). Соответственно, такое состояние приравнивалось Секстом к наивысшему возможному счастью для людей.⁵

Итак, проведенный нами анализ достаточен для указания на неадекватность представления Габриэля об *атараксии* как тотальном квиетизме, который предполагал бездеятельность, поскольку Секст нигде не оставлял высказываний, дающих повод понимать *атараксию* как квиетизм. Как мы видели, скептик искал отсутствие душевного волнения и тревог, при этом он мог быть деятельным и жить в согласии с обычаями его сообщества (РН I 21–24). Поскольку *атараксия* принципиально совместима с деятельностью, она может быть совместима и с поиском как одной из разновидностей действия.

⁵ Скептическая жизнь рассматривается Секстом как лучшая из возможных для людей: «воздерживающийся от суждения обо всем, что возникает в связи с мнением, пожинает самое совершенное счастье» (М XI 160; см. также РН I 30, М XI 1, 74, 111). См. Bett 2011, 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вольф, М. Н., Берестов, И. В. (2007) «Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 1.2, 203 – 250.
- Вейсман, А. Д. (1991) *Греческо-русский словарь*. Репринт. 5-го изд., (1899). Москва.
- Лосев, А. Ф., ред. (1986). *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва.
- Лосев, А. Ф. ред. (1975–1976) *Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х томах*. Москва.
- Bett, R. (2011) “How Ethical Can an Ancient Skeptic Be?” D. Machuca, ed. *Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy*. New York, 3–17.
- Burnyeat, M. (1980) “Can the Sceptic Live his Scepticism?” M. Scofield, M. Burnyeat, J. Barnes, eds. *Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology*. Oxford, 20–54.
- Burnyeat, M. (1980) “Tranquility without a Stop: Timon, Frag. 68,” *The Classical Quarterly* 30.1, 86–93.
- Gabriel, M. (2009) *Skeptizismus und Idealismus in der Antike*. Frankfurt/ Main.
- Grgic, F. (2006) “Sextus Empiricus on the Goal of Scepticism,” *Ancient Philosophy* 26. 141–60.
- Grgic, F. (2012) “Investigative and Suspensive Scepticism,” *European Journal of Philosophy* 22.4, 653–73
- Liddel, H., Scott, R. (1940) *A Greek-English Lexicon*. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford.
- Long, A., Sedley, D. eds. (1987) *The Hellenistic Philosophers*, in 2 vols. Cambridge.
- Machuca, D. (2006) “The Pyrrhonist’s ἀταραξία and φιλανθρωπία,” *Ancient Philosophy* 26, 111–139.
- McPherran, M. (1989) “Ataraxia and Eudaimonia in Ancient Pyrrhonism: Is the Skeptic Really Happy?” *Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy* 5, 135–171.
- Mutschmann, H., Mau, J., eds. (1912–1961) *Sexti Empirici Opera in 3 vols*. Leipzig.
- Striker, G. (1990) “Ataraxia: Happiness as Tranquility,” *The Monist* 73, 97–110.
- Svavarsson S. (2011) “Two Kinds of Tranquillity: Sextus Empiricus on Ataraxia,” D. Machuca, ed. *Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy*. New York, 19–31.
- Vogt, K. (2010) “Scepticism and action,” R. Bett, ed. *The Cambridge Companion to Ancient scepticism*. Cambridge, 165–80.
- Vogt, K. (2012) *Belief and Truth. A Sceptic Reading of Plato*. New York.

CYRILLIC CHARACTERS REFERENCES transliterated (FOR INDEXING PURPOSES ONLY): Volf, M. N., Berestov, I. V. (2007) «Problemnyj podhod k issledovaniju drev-negrecheskoj filosofii», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 1.2, 203 – 250. Vejsman, A. D. (1991) *Grechesko-russkij slovar'*. Reprint. 5-go izd., (1899). Moskva. Losev, A. F., red. (1986). *Diogen Laehrtskij. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah zname-nityh filosofov*. Moskva. Losev, A. F. red. (1975–1976) *Sekst Empirik. Sochineniya v 2-h tomah*. Moskva.